

УДК 82`19``(470+570)
ББК 83.3(2Рос=рус)6

Е.В. Суровцева

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ
СИТУАЦИЯ И ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В 1980-е – 1990-е годы**

Предпринята попытка комплексного описания и анализа социокультурной ситуации в России в 1980 – 1990-х гг., чтобы составить наиболее полное представление об истории взаимодействия власти и литературы в России XX в.

Ключевые слова: *русская литература, социокультурная ситуация, XX век, власть и литература.*

Суровцева Екатерина Владимировна – канд. филол. наук, сотрудник лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Тел.: (499) 133-24-14; 8-910-471-89-00
e-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

© Е.В.Суровцева, 2010 г.

*Наш век пройдёт. Откроются архивы,
И всё, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.
Богов иных тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда,
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда.
(Н. Тихонов, 1969).*

Социокультурная ситуация, и в частности огосударствление русской литературы первой половины XX в., уже становились предметом изучения литературоведов-русистов – этому аспекту посвящены монографии [Голубков, 1992; см. также Бабиченко], отдельные главы исследований, посвящённых смежным проблемам [В тисках идеологии..., с. 3 – 61, Голубков, 2001, с. 54 – 69; Суровцева, 2008а, с. 31 – 43], разделы учебников по истории русской литературы XX в. [История русской литературы XX века, с. 11 – 67]. К сожалению, социокультурная ситуация пост-сталинского периода описана гораздо хуже. Говоря об истории русской литературы эпохи «оттепели» и «застоя», мы можем назвать только два исследования, посвящённых взаимодействию партии и культуры (не только литературы) в интересующий нас период [Кречмар; Эггерлинг] и одну статью собственно литературоведческого характера [Суровцева, 2008б]. Следует назвать сборники документов, посвящённых этому взаимодействию при Хрущёве и Брежневле [Литературное движение советской эпохи...;

Идеологические комиссии ЦК КПСС ...; Аппарат ЦК и культура ... и др.]. (К слову отметим, что изучение первой половины XX в. также более «богато» на подобные издания (см., напр.: [В тисках идеологии ...; «Литературный фронт» ...; «Счастье литературы» ...; История политической цензуры ...; Власть и художественная интеллигенция...; Большая цензура ... и др.]); подобных сборников, охватывающих конец века, нет вообще. Теперь же мы ставим своей целью описать социокультурную ситуацию конца XX столетия (начиная с середины 1980-х), попытаться обобщить и систематизировать имеющиеся в данной области знания (при написании статьи использованы материалы: [История русской литературной критики, с. 333 – 362]), чтобы более полно представлять себе историю взаимодействия власти и литературы в России XX в¹. Хочется надеяться, данная статья может стать частью более глобального исследования или лекционного курса по истории русской литературы XX в.

В ноябре 1982 г. Брежнев скончался. К власти пришёл Ю.В. Андропов. 9 февраля 1983 г. он умер, и его место занял К.У. Черненко, скончавшийся 10 марта 1985 г. Буквально через 4 часа после его смерти было объявлено об избрании нового генсека – М.С. Горбачёва. В апреле 1985 г. Горбачёв впервые ввёл в оборот слово «перестройка», которое сначала понималось довольно узко – как перестройка экономики. В области творческих или гражданских свобод до 1987 г. почти ничего не менялось. Но позднее значение слова «перестройка» расширилось и стало обозначать всю эпоху перемен (о явлении «перестройки» см.: [Перестройка, 1988, Перестройка, 2005, Яковлев]; литературная ситуация эпохи глазами современника см.: [Латынина]). К началу 1987 г. перед новым руководством стояла всё та же задача – обновление идеологии. Самым спорным идеологическим вопросом давно уже была оценка Сталина. Теперь этот «кирпичик» оказался первым, который легче всего было расшатать в незыблемой идеологической стене. Вокруг имени Сталина уже 30 лет шли горячие споры интеллигенции, переходившие и в печать. «Сталин был плох», – большинство интеллигентов сходилось на этом простом положении, оно служило им своеобразным паролем. В январе 1987 г. произошёл поворот к политике «гласности». В «перестройку» вовлекалась интеллигенция. После этого вопрос о Сталине внезапно сделался в печати самым насущным, острым и злободневным. На киноэкраны вышел фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние», резко осуждавший «культ личности». Горбачёв в нескольких осторожных фразах одобрил эту кампанию. Дело постепенно двигалось дальше. Журнал «Огонёк» разоблачал уже не только Сталина, но и его соратников В. Молотова и А. Жданова, и наоборот, защищал деятелей «ленинской гвардии», особенно Н. Бухарина. Всё это вызвало в обществе огромный интерес. К 1989 г. подписка на «Огонёк» увеличилась в 10 раз и достигла

2,8 млн экземпляров (краткий обзор дискуссии о Сталине см.: [Белоус, 2008б]).

В критике периода «перестройки» живо обсуждался также вопрос о методе соцреализма (краткий обзор дискуссии о Сталине см.: [Белоус, 2008а]).

Дальнейшей «перестройке» очень мешало то, что у неё не оказалось «противников». Открыто никто не выступал против новой политики, хотя понимали её по-разному. Рубежом в этом отклонении стало 13 марта 1988 г. В этот день в газете «Советская Россия» напечатали большое письмо Нины Андреевой, преподавателя химии из Ленинграда, под названием «Не могу поступаться принципами». Андреева одобряла «перестройку» вообще, но считала чрезмерным осуждение Сталина и его эпохи. 5 апреля 1988 г. «Правда» в передовой газете резко высказалась о письме Н. Андреевой.

«Перестройка» была попыткой установления сверху «социализма с человеческим лицом», «гласность» стала лейтмотивом в духовной и политической жизни страны. Под лозунгами «ускорения», «гласности», «демократизации» резко изменилась ситуация в общественно-культурной жизни и в литературе. Гласность понималась в русском языке как «известность, общественность, оглашение, огласка». В партийном обиходе это понятие относилось до «перестройки», главным образом, лишь применительно к одному из принципов организации «социалистического соревнования», предполагавшего доведение результатов соревнования до всех его участников. В выступлениях Горбачёва термин «гласность» как свидетельство новых подходов в политике впервые появился на XXVII съезде КПСС (февраль 1986 г.), когда прозвучало, что «без гласности нет и не может быть демократизма». Главным содержанием этого понятия, по идее Горбачёва, было обновление коммунистической идеологии. Горбачёв неоднократно подчёркивал от лица партийного руководства: «Мы за широкое развитие гласности, но в интересах общества, социализма, в интересах народа». С самого начала «перестройки» заметно ослаб партийный надзор за идеологией, смягчился цензурный гнёт. Вследствие этого после 1985 – 1986 гг. произошёл своего рода публикаторский «взрыв», особенно проявившийся в текущей периодике. В журналах, достигших в то время невиданных тиражей («Новый мир» в 1990 г. выходил в количестве 2710000, «Знамя» – 1 млн, «Юность» – свыше 3 млн экземпляров), печаталось немало количество запрещённых ранее на родине так называемых «задержанных» произведений. Особый размах политика гласности приобрела после январского (1987) пленума ЦК КПСС. В культурной жизни страны возникло явление, обозначенное термином «возвращённая литература», которое заняло немаловажное место в сознании читателей и в самом динамически развивавшемся литературном процессе, что нашло отражение в целом ряде критических выступлений тех лет (см., напр., [Взгляд ...;

Перспектива – 1989]). С появлением новых материалов обнаружились и новые подходы к осмыслению общественных явлений, что сопровождалось характерной для того времени остротой споров, дискуссий, нередкой субъективностью критических высказываний, поляризацией взглядов, выражавших, с одной стороны, своеобразный «экстремизм», а с другой – определённую «консервативность». Так, в частности, острую полемику вызвала статья Вик. Ерофеева «Поминки по советской литературе», опубликованная в «Литературной газете» в 1990 г. [Ерофеев].

Необходимость переосмыслить многое в прошлом, включая и то, что раньше считалось бесспорными достижениями и советской «классикой», вовсе не означало, что надо всё перевернуть «с ног на голову». Надо было расширить, обогатить представления о литературном процессе, заполнить возникшие в прежние времена «белые пятна». С конца 1986 – начала 1987 гг. в стране начали публиковаться литературные произведения, не допущенные в печать в период брежневской ресталинизации – «Дети Арбата» А. Рыбакова (роман имел шумный, но не продолжительный успех), «Белые одежды» Б. Дудинцева, «Зубр» Д. Гранина, «Исчезновение» Ю. Трифонова, «Всё течёт» и «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина, «Новое назначение» А. Бека. Были опубликованы долгое время находившиеся под запретом работы отечественных литераторов – «Мы» Е. Замятина, «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка, «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море» А. Платонова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Дьяволиада» и «Собачье сердце» М. Булгакова, «В круге первом» и «Раковый корпус» А. Солженицына, «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского, «Колымские рассказы» В. Шаламова. Произведения М. Булгакова, В. Гроссмана, А. Солженицына, А. Ахматовой, Б. Пастернака стали входить в читательское, критическое, исследовательское восприятие и, соответственно, в школьные и вузовские программы и учебные пособия как важнейшие составные части литературного процесса XX столетия. Это явилось следствием фактической, а затем и официальной (с 1989) отмены политической цензуры. Особое внимание привлекло в то время творчество писателей русского зарубежья (позже других были опубликованы произведения эмигрантов «третьей волны») – И. Бунина, В. Набокова, В. Ходасевича, Г. Иванова, И. Шмелёва, А. Несмелова, В. Перелешина, Д. Клековского, И. Елагина, В. Аксёнова, Г. Владимова, В. Войновича, С. Довлатова, В. Максимова, В. Некрасова, И. Бродского, А. Галича и многих других. Были опубликованы стихи М. Волошина, Н. Гумилёва. Появились в печати воспоминания Н. Берберовой, М. Цветаевой, Л. Разгона, А. Лариной (Бухариной), Е. Драпкиной, А. Жигулина и других. Вернулись для отечественного читателя труды русских философов – Н. Бердяева, В. Соловьёва, П. Сорокина, В. Розанова, В. Лосского, А. Лосева и других.

Одним из самых ярких событий стала публикация «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына. Тщетно В.Я. Медведев, последний главный идеолог КПСС, доказывал, почему в СССР не может быть опубликован Солженицын, тем более – его «Архипелаг»: ведь он же «наш враг»! В связи с 70-летием Александра Исаевича (11 декабря 1988 г.) 16 писателей и деятелей культуры обратились к Горбачёву с протестом против задержки публикации «Архипелага ГУЛАГ» в журнале «Новый мир» (среди подписавших – С. Аверинцев, А. Битов, И. Золотусский, С. Рассадин, В. Распутин, Н. Эйдельман...). И вот в июле 1989 г. «Новый мир» публикует «Нобелевскую лекцию» Солженицына, а с 8-го номера начинает печатать главы «Архипелага ГУЛАГ», отобранные автором для журнальной редакции. В 1990 в издательстве «Советский писатель» выходит полный текст романа в 3 томах. (История появления «Архипелага ...» на Родине подробно описана, см: [Сараскина, с. 787 – 810]).

В 1989 г. после 7 лет эмиграции в Россию приезжает Ю.М. Кублановский и начинает борьбу за восстановление гражданства. В газетах появляются обращения по этому поводу к М.С. Горбачёву, подписанные известными деятелями культуры. Поэт принимает участие в многочисленных литературных вечерах в Москве и других городах. Поэт получил русское гражданство в конце 1993 г.

Выход публикаций «Из литературного наследия» и других «задержанных» произведений сказался на текущем литературном процессе. В нём какое-то время превалировала социально-политическая острота, открытая публицистичность, нередко за счёт подлинной глубины постижения жизни и художественного качества произведений. Во второй половине 1980-х гг. в творчестве видных писателей выделились некоторые проблемно-тематические пласты художественной и мемуарной литературы об историческом прошлом, прежде всего относящиеся к трагическим событиям и испытаниям эпохи (сталинские репрессии, раскулачивание и 1937 год, «лагерная тема»). В этом плане у литературы были высокие ориентиры: созданные в недалёком и более отдалённом прошлом остро социальные и подлинно художественные произведения большой формы: поэмы-циклы А. Ахматовой «Реквием», А. Твардовского «По праву памяти» и другие. С 1987 г. и до 1992 г. страницы толстых литературно-художественных журналов заполняются произведениями «возвращённой» или «задержанной» литературы, и в связи с этим резко возрастает читательский спрос на «толстые» журналы. Многие писатели утрачивают свой статус, не выдержав творческой конкуренции с истинными художниками.

Эта обстановка актуализировала литературную критику в самом напряжённом и горячем её выражении. Литераторы, ещё недавно объединённые противостоянием политическому застою и литературной бездарности, резко размежевались. Произошедшая перегруппировка литера-

турных сил из недавних единомышленников сделала оппонентов, со временем оказавшихся даже в разных писательских союзах. Один из самых ярких критиков этого периода – С.И. Чупринин, написавший интересные книги о современных литературных критиках и о литературной жизни новой эпохи [Чупринин, 1989а; 1989б]. Поляризация взглядов в обществе отразилась и в журнальной борьбе. Поистине бойцовским духом оказался пропитан не литературный, а публицистический журнал «Огонёк», главным редактором которого являлся В. Коротич. В русле «огоньковской» эстетики, разоблачавшей последствия сталинизма и застоя в литературном деле, оформилась позиция журналов «Знамя» (редактор Г. Бакланов) и «Октябрь» (редактор А. Ананьев). Другую позицию, связанную с пропагандой русской патриотической идеи патриархальной старины, заняли журналы «Молодая гвардия» (редактор А. Иванов), «Наш современник» (редактор С. Куняев) и «Москва» (редактор М. Алексеев). Публикации в этих журналах дали импульс многим дискуссиям и спорам, аргументами в которых служили оскорбительные аттестации оппонентов и передёргивание цитат из статей противника. Эти споры многие критики определили как очередное противостояние «западников» и «славянофилов», называвших друг друга «русофобами» и «русофилами». Конечно, позиция и тех, и других была в известной мере уязвима. Особенно остро эти споры проявились в организованных «Литературной газетой» «Диалогах недели» (1989). Два критика, представлявших, как правило, два противоположных мнения на литературно-общественную ситуацию, сходились в редакции, и начиналась словесная дуэль. Спорили А. Бочаров и М. Лобанов, А. Латынина и С. Чупринин, В. Гусев и А. Турков, Б. Сарнов и В. Кожин. Критики старались говорить о литературе, но выходили на темы, особенно волновавшие общественное сознание тех лет: Ленин, Троцкий, Бухарин, марксизм и Россия, советская история, проблемы нарождающейся демократии, те смысловые глубины, которыми наполнялось это новое для многих понятие. Многие из участников «диалогов» признавались, что чувствуют наступление «гражданской войны» в литературе. Одна из самых спокойных пар, встретившихся на страницах газеты, – А.Н. Латынина и С.И. Чупринин – попытались говорить о литературе, однако Чупринин заметил, что рад бы говорить о литературе, но всех снедает «национальный вопрос». Уже в 1990 г. рубрика «Диалоги недели» исчезла в силу своей воинственности. Во многом полемический дух конца 1980-х перекочевал в литературно-критические сборники тех лет. Так, например, книга «Неоконченные споры» [Неоконченные споры ...], выпущенная издательством «Молодая гвардия» в 1990 г., вышла под рубрикой «Литературная полемика». В ряду известных критиков (Л. Аннинский, Ю. Буртин, В. Кожиков, В. Лакшин, А. Латынина, И. Роднянская, Д. Урнов, С. Чупринин, Е. Шкловский и другие) здесь выступили поэты (А. Вознесенский, Е. Евтушенко) и филологи (С. Аверинцев, Г. Гачев).

Скорость обращения художественных и публицистических текстов, заново открытых и напечатанных документов и мемуаров, слов и действий оказалась настолько высока, что не оставалось времени и сил на серьёзную литературно-критическую аналитику. Происходило неслыханное смешение жанров. Экономист Г. Попов рецензировал роман А. Бека «Новое назначение» и естественным образом переходил к критике административно-командной системы. Обсуждался роман В. Дудинцева «Белые одежды», и в роли литературных критиков оказались учёные-генетики, которых волновала драматическая история своей науки. О романе А. Рыбакова «Дети Арбата» писали историки, получившие посредством художественного текста относительный «доступ» к прежде запретным историческим источникам сталинской эпохи. Иными словами, публицистическая проза вновь вызвала к жизни реальную критику. Собственно говоря, приверженцам эстетической критики тоже открывалось колоссальное поле деятельности. Необходимо было откликнуться на давние произведения, только что ставшие явлениями современной литературной действительности, произведения «возвращённой» литературы. Важно было проследить за процессом «выхода» многих молодых литераторов из «андеграунда» и оценить их творчество уже в новом качестве – как авторов, пришедших из неподцензурных изданий в солидные сборники и журналы. Интересно было констатировать новое «внутри» самих литературных текстов, и прежде всего окончательное вызревание отечественного соцарта и постмодернистского художественного мышления. И хотя литературно-критические дискуссии к 1990-м гг. ушли на периферию общественного сознания, литературная критика жила активной и напряжённой жизнью. В годы «перестройки» произошла смена руководства СП и его местных организаций. Одобрение в печати получила острокритическая направленность первых произведений периода «перестройки» – В. Распутина, А. Астафьева, Ч. Айтматова.

В 1986 – 1988 гг. появилось огромное количество публикаций о В. Высоцком. Появились статьи и о других создателях «авторской песни» – А. Галиче, Ю. Визборе и прочих.

В этот период предпринимались попытки сохранить термин «социалистический реализм», по-новому осмыслить это понятие. С 1990 г. критика вообще отказывалась использовать это термин. «Перестройка» – время свержения былых кумиров, причём однозначные резкие выпады были направлены даже на таких художников, как М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов. Зачастую эти выпады были неисторическими и излишне эмоциональными.

Читательскую аудиторию в то время особенно волновал вопрос: что придёт на смену публикациям «возвращённой» литературы, будет ли создана исторически достоверная, подлинная философская и высокохудожественная литература об эпохе и её людях во всей сложности и про-

тиворечивости их судеб и характеров. Обнадёживающие тенденции в этом плане обозначились в произведениях Л. Леонова («Пирамида»), В. Астафьева, Г. Владимова, в прозе «сорокалетних», в творчестве видных поэтов разных поколений, хотя всё тут развивалось сложно и неоднозначно: заметно проявлялась не только линия реализма, но и неоавангардизма и постмодернизма.

Наряду с литературой политика гласности коснулась и других сфер культурной жизни – кинематографии, изобразительного искусства, театра, музыки. Во всех творческих союзах произошла смена прежнего, рекомендованного партийными инстанциями руководства. Годы «перестройки» были отмечены появлением антитоталитарных фильмов – «Покаяние», «Завтра была война», «Холодное лето пятьдесят третьего», «Власть соловецкая», «Пир Валтасара», «Слуга», «Так жить нельзя» и других. В ведущих театрах страны были поставлены пьесы М. Шатрова «Брестский мир», «Дальше ... Дальше ... Дальше!» Наметилось обращение деятелей культуры к дореволюционным событиям и судьбам исторических деятелей, в том числе к исторической гибели царской семьи. Новые популярные передачи появились на телевидении, которое стало всё чаще работать в прямом эфире и благодаря открытости и острой полемичности завоевывало большие зрительские симпатии («Взгляд», «До и после полуночи», «Пятое колесо» и другие). Совершенно необычным явлением стали прямые трансляции заседаний XIX партконференции КПСС, Съездов народных депутатов СССР. Были изданы также лучшие литературные произведения и научные исследования западных авторов, раскрывающие природу и истоки тоталитарного режима – «1984» Д. Оруэлла, «Большой террор» Р. Конквеста, «Открытое общество и его враги» К. Поппера, «Сталин: путь к власти» Р. Такера, «Бухарин» С. Коэна и многое другое. Однако часть материалов продолжала оставаться засекреченной. В этом смысле показательно открытое письмо известных деятелей научной и художественной интеллигенции [Открытое письмо Бакаину ...], в котором авторы выразили беспокойство по поводу полной засекреченности органами КГБ и неправомерно долгого хранения на таком режиме всей переписки Ленина и Горького 1918 – 1922 гг.

В партийном руководстве не было единого мнения о целях, задачах и «мере» гласности. Консервативное крыло, представленное Е. Лигачёвым, настаивало на свёртывании критики тоталитаризма. Центристы, к числу которых принадлежал Горбачёв, выступали за гласность, но «в рамках социалистического выбора». Многие для реального развития гласности было сделано А.Н. Яковлевым, с 1987 г. возглавлявшим комиссию Политбюро по реабилитации жертв политических репрессий и в 1989 г. Комиссию I Съезда народных депутатов СССР по политике правовой оценки советско-германского пакта о ненападении 1939 г.

Значителен был вклад в «революцию умов» литературных критиков, экономистов и публицистов: Н. Шмелёва, О. Лациса, Г. Попова, В. Селюнина, Ю. Черниченко, И. Клямкина, Ю. Каренина и других.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось очередной сменой социокультурной и литературно-общественной ситуации. Реформы, затронувшие буквально все сферы жизни страны, привели к тому, что, пожалуй, самым популярным чтением становится историческая документалистика, однако интерес к ней в скором времени сошёл на нет. СМИ отодвинули на второй план и литературу, и литературную критику, интересы аудитории переместились в область современных новостей и событий. В стране возникают новые социальные институты, роль которых на протяжении длительного времени нашей истории брала на себя литература. В 1990 г. отменяется цензура; в том же году отменяется шестая статья Конституции СССР о руководящей роли коммунистической партии.

В 1990-е гг. литература оказывается в несколько непривычном по сравнению с советским временем положении – это период полной свободы слова (причём «к началу 90-х уходит цензура, не только политическая, но и нравственная» [Голубков, 2002, с. 31]), появления частных издательств и в то же время экономических трудностей. Литература перемещается на периферию общественных интересов. Не существует больше «потаённой литературы», исчезает деление литераторов на метрополию и эмиграцию – за границей работают те, кто считает это нужным и у кого есть возможности. Факт отъезда уже не осмысливается как трагический разрыв с Родиной. И читатель воспринимает приезды и отъезды писателей спокойно. Последним событием подобного рода, привлёкшим всеобщее внимание, стало возвращение Солженицына (27 мая 1994 г.).

Толстые литературно-художественные журналы из-за роста цен теряют часть тиража. Некоторые по финансовым соображениям вообще вынуждены прекратить существование – так, в 2000 г. перестал существовать один из лучших журналов русской провинции – «Волга». Литературная критика, испокон веку приходившая к читателю в «толстом» журнале, меняет место своего существования и даже форму – критические статьи публикуются теперь в газетах (см. об этом в рубрике статьи Н. Ивановой [1996]), в Интернете; приметой 1990-х гг. становится так называемая писательская критика.

В последнее десятилетие XX в. исчезли такие понятия, как «направление», «школа», «группа». Вместо них утвердилось понятие «тусовка», пришедшее из молодёжного сленга. 90-е гг. отличает особенность, характеризующая и начало века XXI – это «почти полное отсутствие взаимосвязи между её (современной литературной картины. – Е.С.) компонентами» [Голубков, 2006, с. 30]. Кроме того, литературная ситуация 1990-х отличается и сосуществованием первичных (предполагающих в качестве предмета для изображения объективную действительность) и вторичных

(предполагающих в качестве предмета для изображения продукты культуры – литературы, мифологии, различных речевых дискурсов, которые, причудливо смешиваясь, создают особый художественный мир, никак не соотносимый с действительным) художественных систем. При попытке анализа литературной жизни 1990-х – «литературного хаоса» [Голубков, 2002, с. 31] вполне закономерно звучит вопрос исследователя: «Есть ли сейчас литературный процесс?» [Голубков, 2006], заданный уже в начале XXI в., но, безусловно, учитывающий опыт не только нынешнего десятилетия, но и прошлого. Однако существует и другая позиция в среде литераторов и критиков, считающих «тусовочный стиль» дурным тоном. К середине 1990-х гг. в литературе складывается ситуация, носящая отчётливые черты постмодернистского сознания, отличающегося большой эклектичностью. Появляются литераторы, приблизительно мыслящие и приблизительно выражающие своё мировосприятие. Вместе с тем продолжает существовать и традиционное реалистическое направление, почти не пережившее эволюции с 1960-х гг. Литература как система «писатель – читатель – критик» перестала существовать. Весь XIX и (хотя и с оговорками) XX век прошли под знаком постоянного взаимодействия, общения писателя и читателя, причём немалое значение придавалось и критике. Нарушения этого диалога всегда воспринималось как отклонение от нормы. Теперь же литераторы не воспринимаются более как «властители дум». Сейчас писатель воспринимается зачастую как «скриптор», компилирующий созданные до него тексты, ведь ничего принципиально нового создать уже нельзя. Такой подход знаменует формирование постмодернистской литературной ситуации. Сейчас нашу культуру, к сожалению, можно считать литературоцентричной лишь с большой натяжкой. Какой-то диалог литератора и читателя, конечно, происходит, но на заметно суженном социокультурном пространстве.

Таким образом, при анализе социокультурной и литературной ситуации 1980-х – 1990-х гг. становятся очевидными различия 1980-х и 1990-х гг. Основными чертами, отличающими эти два десятилетия, можно назвать наличие/отсутствие цензуры, переход от литературного процесса к «литературному хаосу», усиление модернистских тенденций в литературе, падение читательского интереса к чтению. Безусловно, сыграл свою роль и экономический фактор.

Примечания

¹В своих рассуждениях мы в общем и целом опираемся на следующую периодизацию истории русской литературы XX в. (см., напр: [Зайцев, Герасименко, с. 5; История русской литературы XX века ..., с. 7]):

- 1) конец XIX – первые два десятилетия XX века (1890 – 1920);
- 2) 1920-е – начало 1950-х гг.;
- 3) середина 1950-х – 1990-е гг. :
 - а) середина 1950-х – конец 1960-х гг.;

- б) начало 1970-х – середина 1980-х гг.;
 в) вторая половина 1980-х – конец века и тысячелетия.

Это деление на периоды, связанное с особо значимыми общественно-историческими процессами в России XX в., возможно, нуждается в уточнениях, но в целом, думается, его можно принять. Оговоримся, что у некоторых исследователей есть возражения против данной периодизации. Так, Л.П. Егорова пишет: «... несмотря на многое, что объединяло литературу второй половины 80-х (период “перестройки”) и первой половины 90-х (начало постсоветского периода), это этапы *разные* (курсив автора цитируемого исследования. – Е.С.), здесь не может быть проведена параллель с “оттепелью” и “застоем”. <...> Литература 90-х принципиально отличается от литературы перестройки, поэтому встречавшиеся ранее обозначения современного этапа как “литературы второй половины 80-х – 90-х гг.” (или ещё раньше – “литературы 1985 – 1995 гг.”) некорректны» [Егорова, с. 27 – 28].

Литература

Аппарат ЦК и культура. 1953 – 1957: документы / Сост. Е.С.Афанасьева и др. М., 2001 (Серия «Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы»).

Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994.

Белоус Л.В. Дискуссии о методе социалистического реализма в литературной критике периода «перестройки» // Русская литература XX – XXI веков: проблемы теории и методологии изучения : материалы Третьей Междунар. науч. конф., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 4 – 5 декабря 2008 г. / ред.-сост. С.И.Кормилов. М., 2008.

Белоус Л.В. Эволюция темы «культы личности» в критике 1985 – 1990 годов // Русская литература XX – XXI веков: проблемы теории и методологии изучения : материалы Третьей Междунар. науч. конф. ...

Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917 – 1956 / сост. Л.В.Максименков. М., 2005.

В тисках идеологии: Антология литературно-политических документов. 1917 – 1927 / сост., вступ. ст. К. Аймермахер; ред. Т. Громова М., 1992.

Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. Вып. 1 – 3. М., 1988 – 1991.

Власть и художественная интеллигенция : документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 гг. / сост. А.Н. Артизов и О.В. Наумов. М., 2002.

Голубков М.М. Утраченные альтернативы. Формирование монистической концепции советской литературы. 20 – 30-е годы. М., 1992.

Голубков М.М. Русская литература XX века. После раскола. М., 2001.

Голубков М.М. Новейшая (современная) русская литература в университетском лекционном курсе // Традиции русской классики XX века и современность : материалы Междунар. науч. конф., Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова. 14 – 15 ноября 2002 г. / ред.-сост. С.И.Кормилов. М., 2002.

Голубков М.М. Есть ли сейчас литературный процесс? // Русская литература XX – XXI веков: Проблемы теории и методологии изучения : материалы Второй Междунар. науч. конф.: 16 – 17 ноября 2006 г. / ред.-сост. С.И. Кормилов. М., 2006.

Егорова Л.П. Русская литература: от «перестройки» к постсоветскому периоду // Традиции русской классики XX века и современность : материалы Междунар. науч. конф., Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова. 14 – 15 ноября 2002 г. / ред.-сост. С.И.Кормилов. М., 2002.

Ерофеев Вик. Поминки по советской литературе // Литературная газета. 1990. 4 июля.

- Зайцев В.А., Герасименко А.П.* История русской литературы второй половины XX века. М., 2004.
- Иванова Н.* Между: О месте критики в прессе и литературе // Новый мир. 1996. № 1. С. 203 – 214.
- Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958 – 1964. Документы / сост. Е.С. Афанасьева и др. М., 2000. (Серия «Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы»).
- История политической цензуры: документы и комментарии / отв. ред. и руководитель творческого коллектива Г.М. Горячева. М., 1997.
- История русской литературной критики / под ред. В.В. Прозорова. М., 2002.
- История русской литературы XX века. 20 – 50-е годы. Литературный процесс: учеб. пособие. М., 2006.
- Кречмар Д.* Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970 – 1985 гг. М., 1997.
- Латынина А.Н.* За открытым шлагбаумом: Литературная ситуация конца 80-х. М., 1991.
- Литературное движение советской эпохи : материалы и документы. М., 1986.
- «Литературный фронт». История политической цензуры. 1932 – 1946 гг.: сб. док. / сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994.
- Неоконченные споры: Литературная полемика. М., 1990.
- Открытое письмо В.В. Бакатину // Независимая газета. 1991. 29 августа.
- Перестройка: Образ мыслей и действий: конференция историков и писателей: «Актуальные вопросы исторической науки и литературы» // Советская культура. 1988. 5 мая.
- Перестройка: Двадцать лет спустя. М., 2005.
- Перспектива – 1989: Советская литература сегодня. М., 1989.
- Сараскина Л.И.* Александр Солженицын. М., 2008. Серия «Жизнь замечательных людей: Биография продолжается».
- Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху. 1920-е – 1950-е гг. М., 2008.
- Суровцева Е.В.* Социокультурная ситуация при Хрущёве и Брежневе // Болгарская русистика. 2008. № 3 – 4.
- «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925 – 1938: документы / сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997.
- Чупринин С.И.* Критика – это критики: Проблемы и портреты. М., 1989.
- Чупринин С.И.* Нарастающее настоящее: Три взгляда на современную литературную смуту. М., 1989.
- Эггерлинг В.* Политика и партия при Хрущёве и Брежневе. 1953 – 1970 гг. М., 1999.
- Яковлев А.* Перестройка. 1985 – 1991. М., 2008.